

УДК 34:930.85:130.2

Сигалов К.Е.

Становление права во времени

Сигалов Константин Елизарович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России
E-mail: Sigalovconst@mail.ru

В статье рассматривается процесс исторического развёртывания феномена права во времени, показывается соотношение временных, правовых и исторических параметров формирования социальных процессов.

Ключевые слова: право, история, время, социальное пространство, античность, Средневековье, Возрождение, динамика, прогресс, реформы, предвидение, обновление, цивилизация.

Право только тогда может стать действительностью социальных отношений, когда обретает свое историческое бытие. В отечественной науке представления об истории как методе осмысления действительности часто страдают односторонностью – история рассматривается исключительно как цепь чередующихся событий, генерализируется формационный подход к объяснению происходящих в мире событий, причинно-следственные связи упрощаются, не учитываются цивилизационные и региональные особенности событий и явлений, социокультурные феномены представляются вне связи с аналогами в пространственных темпоральных измерениях, объемность, многозначность и красочность реальности становится плоской, примитивной и одноцветной. Историческое бытие права предполагает, что право «живет» в толще истории, все правовые феномены имеют исторический смысл, все исторические явления в том или ином виде обусловлены правом. История в воображении некоторых исследователей – это, прежде всего, и порой исключительно хронография, темпоральное описание событий. При этом события, происходящие в той или иной стране, описываются вне связи с событиями, происходящими в других странах, вне взаимосвязи и взаимообусловленности. В свое время греки, римляне, китайцы, японцы, арабы, а начиная с XVIII в. и западноевропейские народы, а затем и американцы полагали, что настоящая история развивается только в их социальном пространстве, а за его пределами народы живут «вне истории».

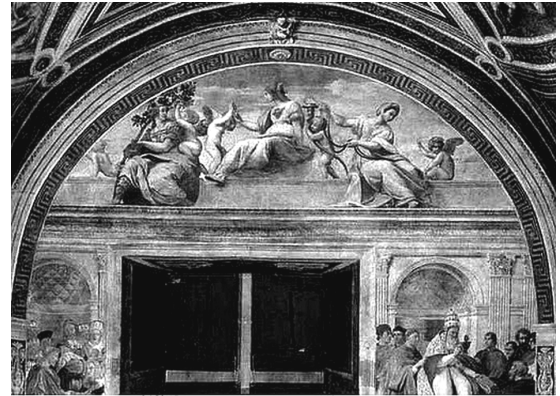
Историческое знание дает ответы на вопросы трех уровней. Первый из возникающих вопросов: «что?». Ответ на него предполагает получение сведения просто о факте совершившихся событий. Второй вопрос: «как?». Ответ на него предполагает нарративный рассказ и комментарий относительно обстоятельств и подробностей произошедшего. Но главный вопрос «почему?» очень часто остается без ответа. Ибо кроме чистоты и правдивости ответов на предшествующие вопросы, предполагается полноценное знание теории, методологии и философии истории, возможность компаративистского анализа, способность его применения к конкретным областям знания (в нашем случае, к правовой науке). Ответ на третий вопрос предусматривает сочетание возможности как философско-умозрительного, так и нарративно-исторического методов объяснения исторических явлений. Как отмечает Н.С. Розов, «теории исторической динамики должны строиться не только для нужд мировоззрения и философии, но и также в качестве необходимого знания современных задач социальной практики в глобальном, национальном и локальном масштабах»¹. Философия истории позволяет понять, как думает историк и какие построения он предъявляет для объяснения процессов, происходящих в мире. То есть появляется и четвертый вопрос: «А зачем, собственно, всё это объяснение нам необходимо?». Значительная часть так называемых «исторических исследований» не поднимаются выше ответа «что». Но надо понимать, что перечисление фактов не имеет никакого отношения к исторической методологии – это не более чем хроника, сырой материал, который только в некоторых отдельных случаях можно использовать для анализа существа социальной действительности.

История, воспринимаемая в данном ключе, рассматривает как события, так и оценку этих событий. В этом смысле можно говорить, что история человечества – это история становления идеалов, без которых ни один человек жить не может. Идеал составляют ценности, которые открываются в истории, по мере прогресса ценности становятся значимыми для человечества в целом и для каждого человека в отдельности. В свою очередь именно значимость ценностей, их роль в освоении человеком мира, заставляет его прилагать усилия по их обоснованию и защите. Но ценности не возникают вдруг и сейчас. Их становление проходит длительный путь, всегда растянуто во времени, сопряжено с конкретными историческими событиями, обусловлено конкретными действиями реальных персонажей мировой истории.

¹ Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены М.: Логос, 2002. С. 27.

В истории фиксируются в первую очередь представления о ценностях – что важно для человека, племени, социальных групп, государства, общества в целом. Представления о ценностях закрепляются, в первую очередь в социальных нормах. Когда молодые К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что «мы знаем только одну-единственную науку, науку истории»¹, они в огромной степени имели в виду именно самую реальную и активную сферу человеческой деятельности – право. Именно здесь история обретает свой реальный смысл, и именно только через историю могут восприниматься все правовые феномены, именно здесь ценности обретают свою реальную форму. Другие социальные нормы не столь всеобъемлющи и не так перманентно действуют в мире. Когда Маркс и Энгельс создавали свою теорию, религия уже утратила свои главенствующие позиции (причем не только в их собственных воззрениях, что, само собой, разумеется, но и в умах миллионов европейцев) и приобрела второстепенную или в лучшем случае «вспомогательную» роль. Мораль мало интересовала основоположников марксизма, да и в силу своей односторонней обязывающей структуры не могла состязаться с правом в отстаивании ценностей. В огромной мере именно этим объясняется парадокс, что только с явной генерализацией права в сознании европейцев моральные факторы приобретают новый импульс своего развития. Право «поддерживает» мораль, хотя и не всегда с ней считается подобно тому, как взрослый внук поддерживает свою бабушку, уважая ее, но далеко не во всем с ней соглашаясь. Тем не менее, моральные, правовые и политические аспекты истории люди постоянно рассматривают в аксиологическом аспекте, верифицируют с точки зрения как общезначимых, так и высших ценностей.

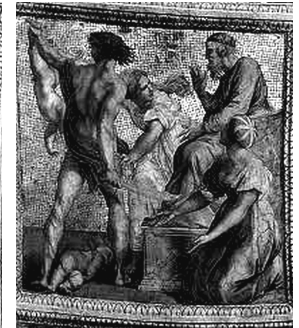
Естественно, истории не бывает в сослагательном наклонении, и поскольку «закон не имеет обратной силы», невозможно предъявлять те или иные требования к людям до того, пока та или иная моральная, религиозная или правовая норма сформирована, сформулирована и институтирована в общественном сознании. Невозможно предъявлять претензии в каннибализме неандертальцам, укорять античных греков в многобожии, обвинять в несоблюдении прав трудового крестьянства, иноверцев и инородцев средневековых рыцарей. Таковы были реалии их жизни, они существовали в том мире, где все жили именно так. Но современный человек живет, экстраполируя к современному ему мироощущению. Поэтому современный человек вправе предъявлять претензии предшествующим поколениям и давать моральные и правовые оценки нарушениям ценностей жизни, здоровья, свободы, достоинства, даже с учетом специфики «тогдашнего времени», «тогдашней морали», «тогдашних законов». Тем более, что у людей всегда есть больший или меньший выбор, и даже в самых страшных условиях люди поступают по-разному. Люди смотрят в историю, как в зеркало, и экстраполируют своё моральное, религиозное и правовое понимание на поведение исторических персонажей другого исторического времени. Рядом с Юрием Милославским был русский барин-патриот Михаил Загоскин, с мушкетерами эпохи первых Бурбонов – Александр Дюма, со средневековыми героями Англии и Шотландии – либеральный джентльмен Вальтер Скотт. Загоскин вкладывал свои мысли о государственности и патриотизме, характерные для XIX в. в мировоззрение персонажа эпохи Смуты, Александр Дюма объяснял поведение своих героев логикой своего времени. Кульминацией самого известного романа Вальтера Скотта Айвенго был рыцарский поединок между главным героем романа и его антагонистом – Брианом де Буагильбером за честь и жизнь еврейки Ревекки, которая под угрозой смерти не пожелала отказаться от своего Закона и своей веры. Трудно сказать, волновала ли судьба личных прав, чести и достоинства нехристиан английского рыцаря конца XII века, но либерала Вальтера Скотта волновала несомненно: в его время иноверцы как в Англии, так и в других европейских странах всё ещё были лишены многих прав. Поэтому существенным в истории, как правило, считается то, что влияет на рост или падение уровня защиты общезначимых и высших ценностей². Любой прорыв, смелый шаг в овладении новых тех-

Торжество Права. Фрески Станца дела Синьяттура. Художник Рафаэль Санти. 1508–1518.

1. Урания устанавливает правопорядок на земле.

2. Суд Соломона. Аллегория справедливого суда.

3. Аллегория Права и правосудия

1–3 – фрагменты росписи потолка Станца дела Синьяттура. Художник Рафаэль Санти. 1508–1518.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 16.

² В истории оставляют след реформаторы, узурпаторы, завоеватели и тираны. Все знают и помнят Ивана Грозного, Петра I, Екатерину II, Николая I, Александра II. А много ли людей помнит о времени правления Федора III, Ивана VI?

нологий, открытии и освоении неизведанных территорий, изменениями в политической сфере, установлении новых законов, принятиями новой религии – несомненно, смелый шаг, влекущий за собой непрогнозируемые, во всяком случае, на первых порах, последствия. Это может быть связано со сменой уровня защиты общезначимых ценностей (не только с их ростом, но и с падением), сменой самого характера высших ценностей¹.

Право сегодняшнее рождается из права вчерашнего и порождает завтрашнее. Невозможно вдруг и сразу изменить правовую жизнь общества, вдруг «придумать» новые законы. Даже самые радикальные и нетерпеливые реформаторы (будь то Петр I, турецкие авторы Маджалы, японский император Мэйдзи, советские большевики или гайдаровские шоковые экономисты) были вынуждены и ориентироваться на национальную культуру, и учитывать опыт собственной истории при имплементации права и компиляции правовых норм. Да и реальные исторические события могли, как подталкивать правящие элиты и общество в целом к изменению права, так и консервировать старые порядки. Ранне-средневековые порядки консервировали традиционность и обычное право, а пассионарный ренессансный взрыв духовности и гуманизма в Западной Европе привел к возрождению римского права. Многовековая японская автаркия и страх перед иноземной агрессией заморозили японское общество до такой степени, что даже термина, аналогичного понятию «право», не было в японском языке, но реставрация Мэйдзи привела не только к широкому заимствованию многочисленных феноменов духовной жизни в Западной Европе, России и США, но и невиданному до тех пор духовному, экономическому, социальному, технологическому и военному взлету страны в течение жизни одного поколения.

Реформы и изменения в праве – неотъемлемый аспект его развития. Право может существовать, только постоянно развиваясь и изменяясь. И все-таки реформы, и в первую очередь правовые, не могут быть бесконечными. Продуманность, интенсивность, своевременность и продолжительность реформ обуславливает их эффективность, а радикальность и объяснимость – популярность и понимание в обществе. Этим объясняется и то, что реформаторов, как правило, понимают далеко не сразу, и очень часто у значительного числа современников их деятельность вызывает неприятие.

Карл Поппер во всем, что касается исторического бытия, предпочитает очень жесткий критерий научности и координирует сам статус теории с возможностью ее проверять или опровергать. «То, что в истории считается теорией, на деле является лишь одной из возможных точек зрения, непроверяемой гипотезой, которую правильно называть исторической интерпретацией»².

Европейская духовная культура, начиная с Нового времени, нуждается в осмыслении исторического процесса как для получения достоверного исторического знания в целом, так и для конкретных задач духовного производства, в частности, для кодификации законодательства. Так, составление кодексов было просто невозможно без понимания смысла истории – нужны были реальные законы, которые как сохраняли традицию, так и отражали наступающие тенденции развития права. Еще в большей степени это проявилось, когда наиболее удачные европейские кодексы стали заимствовать в других странах. Если в начале XVIII в. Петр I занимался просто компиляцией или в лучшем случае имплементацией европейского законодательства, то в XIX в. французское, швейцарское и германское законодательство для нужд Турции, Японии и других стран, стремившихся быстро догнать Европу, подвергалось тщательной верификации и значительной переработке с учетом местных условий. Отсюда не только возникновение экзотических на первый взгляд правовых систем типа франко-османского права, но и создание гибкого и совершенного законодательства, демократических конституций, развитие правовой науки. Путь прямой компиляции был уже неуместен, это, кстати, было осознано и в России, где начиная со второй половины XVIII в. велась серьезная работа по формированию отечественного законодательства с учетом европейского опыта.

Таким образом, в XVIII–XIX вв. оформились основополагающие функции исторического знания. В области государственно-политической её задачей стала необходимость формировать социальную идентичность государства и нации. В области юридической – служить основой законотворчества и выработки политических решений. В области духовной – давать научно выверенные нравоучительные примеры достойного поведения для каждого социального слоя общества. «История – свидетельница прошлого, пример и подражание для настоящего, предостережение для будущего», – замечал Мигель де Сервантес Сааведра. Разделить эти три назначения истории не представляется возможным. Тем не менее, разные направления общественной мысли стараются генерализировать какую-либо одну из трех интенций целей исторического познания. И именно право со всей убедительностью доказывает, что разделение их невозможно как в теоретическом, так и в практическом смысле.

В XIX в. стремление понять исторический процесс в целом привело к созданию ряда теорий, объясняющих смысл саморазвития истории и ее неподвластность человеческому разуму. Однако именно в это время к историческому знанию предъявляются утилитарные, но вполне объяснимые требования. Это знание должно было не только отвечать внутренним потребностям исторической науки, но и обуславливать адекватные решения при принятии государственно-политических решений и в административной практике государственных и муниципальных органов, служить теоретической основой разработки национального законодательства, а главное, способствовать созданию новой политической идеологии и формированию собственных концепций государственно-национальной идентичности. Первой серьезной теорией, не только объясняющей исторический процесс в целом, но и обосновывавшей место права в духовном мире, по крайней мере, Европы, была концепция Г.В.Ф. Гегеля, утверждавшего, что история нужна для понимания настоящего времени. Огюст Конт утверждал, что история – это только материал для социологии, Леопольд фон Ранке в духе историзма обосновал важнейшее положение об объективности научного исторического знания, целью которого является необходимость «показывать, как всё происходило на самом деле».

Но наиболее заметной и всеобъемлющей из этих доктрин стала марксистская теория общественно-экономической формации, объясняющая развитие общества как ряд восходящих, следующих друг за другом про-

¹ Принятие новой религии (например, христианства при Константине Великом в Византии или при Владимире Святом на Руси), быстрая смена власти в результате социальной революции (типа Великой Французской или Великой Октябрьской) целиком меняет жизнь, ценности и ориентиры всего общества.

² Поппер К. Нищета историзма. М.: Прогресс, 1993. С. 173–174.

грессивных этапов развития. Эта теория была вполне применима для западноевропейской линейной истории, но обладала рядом существенных недостатков: она была статична и построена исключительно на фактах западноевропейской действительности первой половины XIX в. Экономика, производственные технологии и общественные отношения рассматривались в рамках современных Марксу и Энгельсу капиталистических отношений этого времени; сущность человека примитивизировалась, сводилась исключительно к его телесной организации; духовные интересы считались периферийными и малозначимыми. Марксистская теория была исключительно европоцентрична, не давала объяснения не только характера развития традиционных восточных цивилизаций, но оставляла без должного объяснения многие феномены восточноевропейской, прежде всего российской цивилизации. Если Маркс всё же пытался объяснить «неудобные» проблемы, выходящие за пределы его концепции, то эпигоны его доктрины ни в коей мере не пожелали продолжить его научные поиски.

Уже в конце XIX – начале XX вв. появляются как внушительный пласт этнографического, социологического, правового, общекультурного материала, так и новые методы теоретического анализа эмпирических исследований. Изменилось восприятие «чужого», оно перестало восприниматься как исключительно «варварское» и находящееся на более низкой, нежели европейское, ступени развития. Стало меняться представление о человеке и его месте в обществе, личность перестала восприниматься только как совокупность общественных отношений. На этом фоне появляются теории, объясняющие исторический процесс с точки зрения локальных цивилизаций. У О. Шпенглера, А. Тойнби, а еще ранее и у Н.Я. Данилевского стремление осмыслить исторический процесс в целом сопровождается пониманием уникального характера такого осмысления. Естественно, это приводило к тому, чтобы видеть историю не только западноевропейской, но и мировой; рассматривать социокультурные феномены (право, политику, религию, мораль) не только с западноевропейской точки зрения, но попробовать понять логику и принципы развития остального мира.

Основой этих проблем были, естественно, не только чисто научные интенции. Западные страны поделили и захватили большую часть внеевропейского мира, и для эффективного управления колониями требовалось понимать реальное культурное многообразие покоренных стран и народов. Необходимо было использовать те законы и обычаи, которые способствовали бы стабильности и процветанию империй. Для этого требовалось иметь глубокие знания о культуре как покоренных, так непокоренных стран и народов. В тех случаях, когда колонизаторам удавалось полноценно вникнуть в историю, культуру, духовную жизнь, параметры национальной самоидентичности внеевропейского пространства, им удавалось эффективнее осуществлять свою политику.

При всех недостатках только сопоставление этих двух, казалось бы, противоположных подходов, может дать представление как о существе исторического процесса в целом, так и об его отдельных параметрах. Познавание существа исторического процесса и обладание результатами научного поиска в этом направлении не является «собственностью» исключительно одной исторической науки. Теории, объясняющие его суть, претендуют на методологию, объясняющую принципы генезиса практически всех социокультурных явлений. Поэтому в рамках теоретических аспектов права и государства история имеет столь важное значение. К истории право обращается всегда – при всех пяти группах рассмотрения, в теоретическом и практическом аспектах, в прошлом, настоящем и будущем. Целостная теория, объясняющая происхождение, развитие и бытие правовых феноменов в истории не может опираться исключительно на имеющиеся в распоряжении исследователя данные. Во-первых, таковыми порой являются исключительно «открытые» сведения – опубликованные или доступные законы, указы, кодексы, прецеденты, договоры, сохраненные обычаи и т.д. Во-вторых, далеко не всё наследие правовой мысли, далеко не все проекты законодательства «доходят» как до современников, так и до потомков. В-третьих, большое число конкретных уголовных, гражданских, административных дел, могущих иметь значение в плане развития права, выпадают из круга подверженных научному анализу по причинам секретности. В-четвертых, значительное число гражданских договоров, завещаний и т.п. являются сферой частного права и по этой причине также не разглашаются. И, наконец, в-пятых, новое в праве – далеко не всегда чуть подкорректированное старое. Иногда (хотя и очень редко) возникает действительно что-то новое – как в праве в целом, так и в его отдельных отраслях, институтах или атрибутах, проявлениях. При этом многие социокультурные феномены на каждом историческом этапе развития имеют собственную идентичность и онтологическую значимость, то есть формально одно и то же может иметь различный, порой противоположный смысл на разных исторических этапах развития права.

Раймон Арон писал: «Жизнь есть целое, которое охватывает человеческий род. Индивиды в нем связаны с индивидами, поколения с поколениями. Все темы гуманитарных наук – личность, семья, нация, эпоха, эволюция, система – представляют собой само это, образованное взаимной солидарностью единство, которое мы называем целым. Эта имманентность целого, хотя она часто анализируется с помощью психологических понятий, подтверждается раньше всякой общей теории. Дело в том, что в истории каждое событие рассматривается в связи с целым, а каждое целое – по ту сторону самого себя. Но отсюда не следует, что последовательность исторических фактов понятна сама по себе. Напротив, только благодаря интеллектуальной обработке, анализу систем, построению духовного мира, взятого из реальности, нам удастся действительно понять становление»¹.

Кроме того, история пишется людьми, которые склонны быть вводимы в заблуждения, честно ошибаться, намеренно скрывать и фальсифицировать факты в силу политической конъюнктуры, собственного неблагоприятного участия в событиях, религиозных, моральных, эстетических и прочих соображений.

Трудно отрицать факт, что любая теория истории сопряжена с представлениями о социальном времени. Но, во-первых, социальное время (как историческое, так и правовое) имеет более сложную структуру, нежели биологическое, во-вторых, право, как никакое иное духовное явление, оперирует временем, использует его возможности. Для права наиболее характерно как проникновение в прошлое – использования исторического опыта, так и предвидение будущего (антиципация). Нежелание (или невозможность) оперировать темпоральными характеристиками социальных явлений – признак примитивности общества. Примитивные народы (например, индейцы навахо), социальные нормы которых еще не поднялись до правового уровня, вообще считают, что будущего нет, есть только насто-

¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 45.

ящее, а значит, нет и истории, нет формализованной фиксации отношений между людьми и народами.

Представления о прогрессе в любых сферах сопрягаются с представлениями как «было раньше», «как есть сейчас» и «как должно быть в будущем». М.Ф. Румянцева отмечает: «В основе теории исторического процесса лежит представление о социокультурной природе человека; причем концепция человека как субъекта исторического процесса может быть эксплицирована в качестве составляющей исторической теории, а может имплицитно присутствовать в исторических построениях на уровне представлений своего времени»¹.

Время и право – фундаментальные, базовые категория гуманитарного знания, которые составляют основу понимания мира. На первый взгляд, эти категории не совсем соразмерны. Первая из них – всеобщая категория, относящаяся ко всей неживой и живой материи, к социальным явлениям, а также и познанию. Вторая – исключительно к социальной действительности. Время – это форма генезиса, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе с тем, что ему относится. Право – это наиболее адекватная и оптимальная форма регуляции социальных отношений и социального поведения людей. Тем не менее, в социальной сфере и, прежде всего в сфере нормативности, время и право играют равнопорядковую роль и вполне сопоставимы по своей значимости. Как время, так и право – безусловные ценности, причем величина этих ценностей сопрягаема. Темпоральный принцип права, как ни парадоксально, вполне соответствует идее «начала времени», выдвинутой рядом видных ученых в начале XX в.². Действие права сопряжено с действием времени, прежде всего, потому, что право предвидит варианты возможного поведения и регулирует его. И.А. Ильин отмечал: «Самая главная задача права состоит в том, чтобы указать разумному существу такое правило поведения, которое оно могло бы иметь в виду постоянно и заранее, т.е. до каждого отдельного случая и поступка; потому было бы противно справедливости и задачам права, если бы на человека налагались более тягостные взыскания за нарушения права, установленного вновь»³. В тех цивилизациях, где высоко ценится время, высоко ценится и право, там, где время – ценность второго порядка, праву также уготовано место второго плана. В то же время соотношение абстрактного и конкретного, естественного и позитивного, как во времени, так и в праве, создают серьезные гносеологические барьеры, как в познании существа времени, так и в познании существа права.

В русском языке время имеет массу определений, но большая часть из них не имеет прямого отношения к социальному существу времени, а некоторые (такие, как о состоянии погоды или представление о возможности «поймать счастье») давно устарели. В рамках настоящей статьи важно отметить, что, в первую очередь, время имеет свою объективную форму, не зависящую от нашей воли и сознания, измеряемое отрезками пути небесных тел, существующее в природе на Земле и во всем Космосе. Его следует отличать от субъективной формы времени, которая основана на восприятии людьми этого феномена. Это восприятие может, цивилизационным, национальным, племенным, групповым или личностным. Личностное, индивидуальное время, в первую очередь основано на отражении временных феноменов в сознании индивида. Это связано с содержанием переживаний человека и является возможностью что-то делать, о чем-то думать и т.д. Так, формула «еще рано» означает, что позиционируется положение, что для каких-либо действий или явлений время еще не наступило, еще нет возможности для их осуществлений, формула «уже поздно» означает, что возможность уже исчерпана или упущена. Если человек заявляет, что у него «нет времени», это означает, что феномен «приближающегося к нему», т.е. будущее, образует некое неразрывное целое из связанных воедино во времени действий, поступков, общения, мыслительных процессов, переживаний, отношений. Главное здесь то, что в этом конкретном течении времени ни одно из этих явлений не может быть «перемещено» назад или вперед без существенного нарушения заведенного и задуманного порядка. «Теперь» воспринимается как настоящее, которое находится между «еще рано» и «уже поздно». Поэтому категория настоящего времени воспринимается как поле, в котором в идеале должна осуществляется деятельность на основе прошлого и с учетом будущего. Чем старше и мудрее человек, чем опытнее и гуманнее цивилизация, тем больше учитывается прошлое, и большее задумываются о будущем.

Для Западной, европейской цивилизации проблема времени, так или иначе, ассоциировалась с проблемой развития. Для античных греков и римлян «золотой век» находился в прошлом, надеяться на возрождение былого благополучия и добронравия не приходилось, но все же представления о временно м круговороте не получили «цивилизационного одобрения»⁴. Если древние греки не переносили рожденную ими диалектику на понятия прогресса – они чувствовали себя самим совершенством, – то для римлян их линейное восприятие мира носило гораздо более важный характер. Греки не видели особой нужды в праве как регуляторе всех социальных отношений, по их мнению, представление о «космосе» и «таксисе» как стихийном и организованном порядке было вполне достаточным⁵, а полисное государственное устройство – наиболее разумным и совершенным. Римская социальная и экономическая жизнь, вырвавшаяся из тесной полисной клетки и вобравшая в себя все достижения Средиземноморья⁶, привела сначала к рождению величайшей мировой ценности – римского права, а затем и принципиально новой государственной концепции. Рим превращается в сверхдержаву, и обоснование его значимости становится важной идеоло-

¹ Румянцева М.Ф. Теория истории. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 57.

² Имеются в виду исследования Эйнштейна, Шварцшильда, а, главное решение Фридмана (1923 г.) о Большом Взрыве, положившем начало расширяющейся вселенной. Удивительно, что католическая церковь, упорно противившаяся идее эволюции человека, с готовностью восприняла идею эволюции Вселенной и начала времени.

³ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: Хранитель, 2006. С. 124.

⁴ Отсюда и известное по курсу истории слово «временщик» в смысле «фаворит».

⁵ Вначале человечество находилось в счастливом «золотом веке», созданном богами; затем эта счастливая пора постепенно становится несчастной и, наконец, совсем исчезает. Например, легенда Гесиода о пяти веках – золотом, серебряном, медном, веке героев и железном – и есть не что иное, как история человечества, постепенно приближающаяся к своему концу. У Платона мир сотворен богами, и этот мир насчитывает уже 72 тысячи лет своего существования, причем первая половина его была наполнена гармонией, а вторая впадает в хаос. По мнению Горация, время просто истощает ценность мира – и не больше.

⁶ См.: Хайек Ф.фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 53–72.

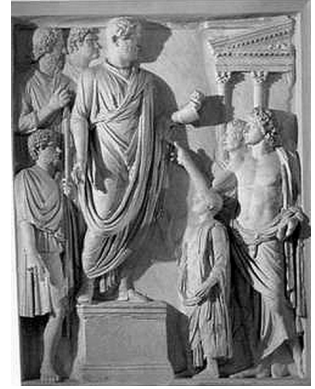
⁷ К наиболее значимым относятся иудейское религиозное право, греческая философия и монотеизм, ставший одним из основополагающих принципов христианства, а затем и ислама.

гической задачей. Уже начиная с Августа следовало доказывать, что под властью императора с каждым годом жизнь Рима и римского народа становится все лучше и лучше. Государственно-политическая доктрина эпохи римской империи уже свободно ориентируется во времени. В отличие от предшествующих периодов она вполне освобождается от мифологического восприятия времени; римские историки вполне различают близкое и далекое прошлое. В период гражданских войн и раннего принципата рождается и схема движения общества во времени по аналогии с развитием человека, получившая впоследствии дальнейшее развитие в западноевропейском Средневековье.

Средневековая концепция времени чрезвычайно буквально воспринимала христианские догматы, в результате времена вновь «спутались» и мифологизировались. Актуализировалось прошлое (особенно библейское начало) и будущее (эсхатологические ожидания), а настоящее было сжато. Время в Средневековом христианском миропонимании было моментом вечности. Как отмечает Жак Ле Гофф, в Средневековье люди полагали, что «время – лишь момент вечности. Оно принадлежит одному Богу и может быть только пережито. Овладеть временем, измерить его, извлечь из него выгоду считалось грехом. Урвать от него хотя бы частицу – воровством»¹. Поэтому в раннем Средневековье отношение к времени было весьма осторожным. Оно еще не стало «собственностью» человека, а представление о преступном деянии, тем более относительно Божественного промысла, уже сформировалось. Время было непрерывно и линейно, но развивалось оно по нисходящей. На непрерывность христианской истории оказывали влияние различные концепции периодизации времени. Заимствованная в иудаизме схема деления времени по дням недели кроме бытового профанного смысла имела еще и теологическую ассоциацию с возрастом мира, аналогичную шести возрастам человека².

«Смешение времен» было обусловлено теоцентричностью мира Средневековья, время часто измеряли по религиозным праздникам, хронисты были безразличны к датам, прошлое, настоящее и будущее путалось в общественном сознании. Это смешение проявлялось особенно отчетливо в стойкости чувства коллективной ответственности – характерной черте примитивизма. Все ныне живущие отвечали за проступок Адама и Евы, все современные евреи ответственны за страсти Христовы, все мусульмане – за «магометову ересь». Крестоносцы конца XI в. считали, что направляются за море покарать не потомков палачей Христа, а самих палачей³.

В средневековых попытках обосновать принцип развития истории угадывались две тенденции – «пессимистическая» и «оптимистическая». Сторонники первой пытались обосновать представление об остановке истории, полагая, что истина неизменна. Сторонники второй полагали, что истина открывается постепенно, и следует интересоваться только вечными истинами. Бернар Шартрский⁴ заявлял: «Истина – дочь времени». Гуго из Сен-Виктора⁵ утверждал, что история представляет собой развертывание Божественного провидения во времени. Спор этот был плодотворен как в духовно-познавательном, так и в практическом аспекте. «Оптимисты», даже принимая схему возрастов мира и преимуществ старческого возраста, повернули к выгоде настоящего времени. «Мы лишь карлики, взобравшиеся на плечи гигантов, но видим благодаря этому дальше их». Люди стали реальнее осознавать время, настоящее наполнилось содержанием, возникла реальная возможность сравнивать и оценивать как предшественников, так и свою роль в истории. Именно в «глубинах» Средневековья в эпоху Проторенессанса возникает ясное представление о прогрессе, модернизации. Люди стали отделять свое настоящее время от проходящего, минувшего, старого времени – antique (отсюда и название старого времени – античность). Настоящее, новое, модернизируемое время становится таковым не только в умах отдельных мыслителей, но и приобретает правовые очертания. Правда, следует отметить, что «до того, как совершился переворот в осознании времени, наиболее важным для средневекового человека было не то, что меняется, а то, что пребывает в неизменности. Для средневекового христианина ощущать свое существование значило ощущать свое бытие, которое мыслилось как неизменная сущность. Иначе говоря, существовать значило сознавать сопричастность вечности, поэтому время спасения было главным для человека»⁶. Именно возвращение к античным ценностям (частной собственности, личной свободе, стремлению постоянно обновляться, и, прежде всего, к необходимости использовать право не только в государственной, но и в частной жизни) придало совершенно новое восприятие времени. IV Латеранский собор в 1215 г. санкционировал обновление (aggiornamento)

Обращение императора Адриана к народу. Барельеф. II в. н.э.

Резня в Антиохии. Гравюра Гюстава Доре. 1880-е гг.

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 200.

² Макрокосм, Вселенная, проходит, как и микрокосм, человек, через шесть возрастов наподобие шести дней недели: от сотворения Адама до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до вавилонского пленения, от вавилонского пленения до Рождества Христова, от Христа до конца света. Таковы же и шесть возрастов человека: детство, юность, молодость, зрелость, старость и дряхлость (их пределы, по Гонорию: 7 лет, 14 лет, 21 год, 50 лет, 70 лет, 100 лет или смерть). Шестой возраст, которого достиг мир, есть, стало быть, возраст дряхлости. Средневековое мышление и чувство были проникнуты глубочайшим пессимизмом. Мир стоит на грани гибели, на пороге смерти.

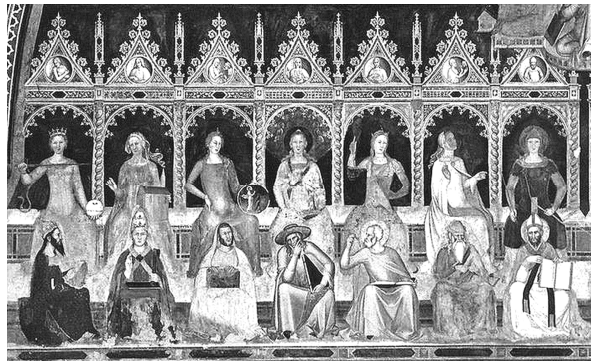
³ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 213.

⁴ Бернар Шартрский (лат. Bernardus Carnotensis, фр. Bernard de Chartres, ум. ок. 1130 г.) – французский философ-платоник, богослов, педагог, представитель шартрской философской школы, занимался комментированием трудов Платона, более всего известен формулировкой: «...мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов; мы видим больше и дальше, чем они, не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием». – Прим. ред.

⁵ Гуго из Сен-Виктора (Гуго Сен-Викторский, Hugo de Sancto Victore, ок. 1096–1141) – христианский богослов, педагог и философ августинианского направления, мистик, глава сен-викторской школы. – Прим. ред.

⁶ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 224.

христианского поведения и тем самым установил новизну восприятия времени, что выразилось не только в создании совершенно новых монашеских орденов, но и в «приватизации» времени конкретными людьми. Не случайно именно в 1215 г. в Англии произошло знаменательное событие – бароны выбили из Иоанна Безземельного Великую Хартию вольностей, а через пять лет на континенте, в немецком Магдебурге был разработан свод законов, основанный на свободе и самоуправлении. Без нового восприятия времени, чувства обновления и представления о прогрессе этих правовых новелл никогда бы не было. В классическом и тем более позднем Средневековье время, наконец, становится «собственностью» человека – правда, не каждого, а только свободного.

Триумф Фомы Аквинского. Фрагмент. Аллегория священных наук. Справа налево: право гражданское (Юстиниан) и каноническое (Папа Климент V), далее теология – практическая (Петр Ломбардский), созерцательная (Бозций), догматическая (Дионисий Ареопагит), мистическая (Иоанн Дамаскин) и полемическая (св. Августин). Художник Андреа да Фиренца. Конец XIV в.

Руан. Улица Башенных Часов. 1389.

Пражские часы (Пражский Орлой). 1410.

военных действий, зависящих от этих ритмов. Для каменщиков, рыбаков, моряков время определяло цену их труда и формы взаимоотношений с работодателями.

Проблемы времени и пространства совершенно по-разному интересуют представителей разных цивилизаций. Примитивные народы с трудом понимают, что такое будущее, у них ещё не сложились представления о планировании и предвидении. В огромной степени это обусловлено и первоначальными способами нормативности. Мораль, обычаи, ритуал – ориентированы на прошлое, которое «подчиняет» настоящее. Право ориентировано на будущее, которое опирается на настоящее и прошлое.

Античная, как и сменявшая ее европейская цивилизации – это оседлые, земледельческие культуры. Код их развития соотносился с земледельческими алгоритмами хозяйствования, интенсивной производственной технологией. Направленность развития была сначала циклической, а с появлением больших христианских государств – линейной. Код развития арабо-мусульманской цивилизации соотносится со скотоводческими, кочевыми алгоритмами хозяйствования, экстенсивной производственной технологией, интенцией к перманентной агрессии и внутренним конфликтом «оазис – степь». Отсюда синусоидальная направленность развития, когда периферия цивилизации «нависает» над центром и коррелирует ее ортодоксальность. Характер собственности на Востоке всегда существенным образом был отличен от того, что существовал на Западе, частнопроводные отношения были вторичны по сравнению с государственно-правовыми, само право было принципиально другим. Иное отношение в восточной культуре было и ко времени. Позднее появление механических часов на Во-

ремя, как и право, регулирует индивидуальность и собственность. Глубокий интерес к римскому частному праву в эпоху Возрождения был обусловлен изменению отношения к собственности, становлению личностных прав, общему гуманистическому настрою общества. Да и церковь перестала вмешиваться в личные дела людей по пустякам, переключившись на более глобальные проблемы. В XIV в. на Западе появляются механические часы, «которые с их четко выверенной системой зубчатых колес и шестеренок стали прообразом всех современных машин и ускорили появление различных достижений в области механики и машиностроения. Не менее важно, что такой триумф механики лег в основу концептуальной модели и метафоры для нарождающейся науки новой эпохи, – как для всего современного мышления, – во многом сформировав современный взгляд на Космос, идеальное общество и даже на Бога»¹.

С появлением часов произошли решительные изменения в отношении человека ко времени, природе труда, ибо отныне над распорядком человеческой деятельности уж не столь тяготели природные ритмы. Люди стали высоко ценить время и были внимательны к его протеканию. В центре западноевропейского города на башне ратуши всегда были установлены часы. Они носили не только культовый и символический характер – по часам определялись ритмы города, включая и трудовые, устанавливалось продолжительность рабочего времени, т.е. определялись трудовые и гражданские права горожан. Время абстрактное, время, принадлежащее Богу, постепенно становится индивидуальным временем, видом собственности, а затем и объектом гражданского и трудового права. Сопричастность вечности заменялось более или менее профанным отношением ко времени: оно представляло безусловную ценность, но стало регулироваться не отношениями с Богом, а экономическими потребностями производства, обмена и потребления, но главное – стало регулироваться правом. Время определяло деятельность церкви, ибо только духовенство было «хозяином времени», ибо только оно могло измерять его и соотносить с религиозными праздниками. Время определяло деятельность феодальных сеньоров, ибо соотносилось с ритмами сельскохозяйственных работ и

¹ Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. С. 189.

стоке сильно сказалось на его менталитете. Течение времени, оперирование им и точность никогда не относились к ценностям Востока. Унаследованные античные знания и собственные исследования арабо-мусульманского Средневековья совершенно не повлияли на понимание времени на бытовом уровне. Его измерение опиралось на состояние солнца, фазы луны, пройденный путь. Время, как и право, – результат соглашения, конвенции: необходимо что-то конкретное принять за норму, которой и следует подчиняться¹. Для мусульман правовое восприятие времени было обусловлено еще и временем оправления обязательных молитв, установленных шариатом².

Однако право и время коррелируют еще в одном важнейшем аспекте, а именно в отношении к прогрессу. Как уже отмечалось выше, европейский мир в целом однозначно занял позитивное отношение к прогрессирующему времени и развивающемуся праву. Время развивалось линейно, право поспевало за прогрессирующим миром, человек стремился вперед к новому и лучшему. Для арабо-мусульманского мира была характерна другая интенция – жесткий консерватизм, неприятия новшеств. Уильям Мак-Нил отмечает, что обращенный по своей сути в прошлое характер мусульманского права и обрядовой системы предрасполагал мусульманский мир к негибкой позиции³. Дух Возрождения, присутствовавший при дворах Мехмеда Фатиха и Акбара, был полностью искоренен Селимом I Грозным, Сулейманом Кануни (Законодателем) и Аурангзебом, при которых исчезло стремление к новшествам и прогрессу.

Агрессивные номадические цивилизации идеологизируют пространственно-временные параметры. В традиционном мусульманском правосознании пространство не принадлежит никому, границы условны. Столь же условно и время – так, в исламе существует представление о «связках времени»; время альтернативно и возвратно – можно вернуться назад и пересмотреть условия договора с соседями (особенно если они «неверные»), если тому способствуют сложившиеся обстоятельства. То есть время и развитие истории в принципе альтернативно, и можно вернуться назад и «прокрутить» события вновь – отсюда и парадоксальное непонимание существа государственно-правовых отношений с этим миром, «лёгкое» с европейской точки зрения отношение к договорённости, непонимание нормативности и точности времени как параметра отношений между людьми (опоздание как таковое никогда не считалось предосудительным).

Сегодня наша осведомленность о событиях античной истории обусловлена, прежде всего, тем, что греки и римляне сами чрезвычайно интересовались ей. Учреждения полисов охватывали почти все потребности человека⁴. Поэтому светские хроники и политическая теория – изобретение древних греков.

Если в Китае время и история цикличны, и это позволяет в какой-то степени реконструировать прошлое, то индусов время вообще не интересует, и исторические хроники у них отсутствуют, а большая часть исторических сведений почерпнута из описаний иноземцев, в том числе и захватчиков. Индийский эпос – Махабхарата и Рамаيانа – составлен таким образом, что если менять местами отдельные фрагменты, то смысл не изменится.

Традиционное мироощущение индийцев абсолютно равнодушно относилось к временным и событийным аспектам реальной жизни, занимаясь категориями бесконечности в их внутренних и внешних проявлениях. Поэтому в индийских литературных памятниках практически отсутствуют сведения о социальных условиях и политических событиях⁵. Для индийской культуры точность времени, его калькуляция не представляет особой ценности. Бывает, что индийские газеты выходят без указания даты – важно само событие, а не то, когда именно оно произошло⁶. В традиционной Индии право неизвестно: оно лишь носит обусловленный характер между правилом письменным и правилом устным; история права в Китае – это история его отсутствия или его ограничения; термин «право», «обязанность» не имеют эквивалента в японском языке⁷. Перевод на японский язык словосочетания «гражданские права» привело к появлению странного для европейского уха неологизма «сила народа распоряжаться», что вызвало неоднозначную реакцию у японских правителей.

Сцена в мечети. Миниатюра из рукописи «Макамы» ал-Харири. Художник Яхья ибн Махмуд. 1237.

¹ В арабо-мусульманском мире всё значительно отличалось от мира Запада, обязательность и договорной характер отношений не носили такого значения, как в Европе. Понятие, соизмеримое с темпоральным отрезком, часом встречается в Коране 47 раз. Более того, арабы приняли разделение дня на 24 часа. Но часы эти были двух видов: темпоральные, применяющиеся в зависимости от времени года, и зафиксированные, равные. Для цивилизации, расположенной сравнительно близко к экватору, темпоральные несоответствия не столь важны, как для стран Европы, находящихся севернее. С появлением Османской империи возник компромисс: день был разделен на 24 равных часа, но отсчет начинался с захода солнца, поэтому часы нужно было «переустанавливать» каждый день; это называлось «турецким временем» или «арабским временем» (См.: Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М.: Олимп-Бизнес, 2003. С. 136–137).

² Пять ежедневных молитв в направлении Мекки – одна из главных обязанностей каждого мусульманина. Время молитвы обозначается скорее как диапазон, а не точно фиксированный момент, и устанавливается наблюдением: 1) предрассветная молитва, до появления солнца; 2) полуденная молитва, когда солнце проходит точку зенита; 3) молитва во второй половине дня, когда тень, отбрасываемая предметами, равна их высоте; 4) закатная молитва после того, как солнце исчезло за линией горизонта; 5) вечерняя или ночная молитва после наступления полной темноты. Юридически важно не пропустить эти явления, но совершенно очевидно, что они зависят от региональных и сезонных особенностей. Определение и табулирование точного времени и направления молитвы – серьезная правовая и научная проблема исламских богословов. Отсутствие европейского внеприродного фиксирования времени – фактор однопорядковый с неопределенностью частнопредовой жизни.

³ См.: Мак-Нил У. Восхождение Запада. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. С. 814.

⁴ «Политического животного», как его характеризовал Аристотель.

⁵ См.: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. С. 266–267.

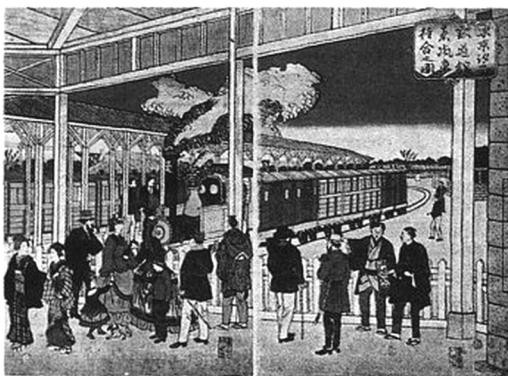
⁶ См.: Померанец Г.С. Роль масштабов пространства и времени в моделировании исторического процесса // Выход из транса. М.: Юрист, 1995. С. 309.

⁷ См.: Рулан Н. Историческое введение в право. М.: НОРМА, 2000. С. 40–55.

Гравюра из книги Ло Гуаньчжуна
«Троецарствие». XIV в.

умение заимствовать чужое при сохранении собственного позволило Японии достичь уровня ведущих западных стран в течение жизни одного поколения – за тридцать лет. Одной из главнейших черт японского характера является феномен, называемый самими японцами «*медзурасия*». С известной натяжкой это можно перевести как «любовь

Первая железная дорога в Японии. Японская гра-
вюра XIX в.

к чужому и новому». Японцы всегда уважали дух и традиции западной цивилизации. Десять из двенадцати основателей нового японского государства были посланы в различные страны Европы и США за *чужим и новым* – изучать опыт политического, правового и экономического развития. В 1888 г. император-реформатор одобрил конституцию, согласно которой был создан парламент по образцу английского. Но правовая система была построена сначала на французских, а затем на германских образцах². Так или иначе, уже в конце XIX в. представления о пространстве и времени³, переменах, прогрессе, значимости права в целом не противоречили европейским и соответствовали конфуцианской морали, «поскольку характерные для нее прагматизм и агностицизм соответствовали доктринам, с которыми японцы знакомились в сочинениях Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Восток и Запад встречались в недавно созданных университетах. «Японский дух и западная наука» (*вакон ёкай*) удачно дополняли друг друга»⁴.

Несколько особняком стояла Япония. После многовековой самоизоляции и крайне негативного отношения к прогрессу страна вступила в 1867 г. в эпоху Мэйдзи, ставшую истинной эпохой реформации. Необычайная восприимчивость, умение заимствовать чужое при сохранении собственного позволило Японии достичь уровня ведущих западных стран в течение жизни одного поколения – за тридцать лет. Одной из главнейших черт японского характера является феномен, называемый самими японцами «*медзурасия*». С известной натяжкой это можно перевести как «любовь к чужому и новому». Японцы всегда уважали дух и традиции западной цивилизации. Десять из двенадцати основателей нового японского государства были посланы в различные страны Европы и США за *чужим и новым* – изучать опыт политического, правового и экономического развития. В 1888 г. император-реформатор одобрил конституцию, согласно которой был создан парламент по образцу английского. Но правовая система была построена сначала на французских, а затем на германских образцах². Так или иначе, уже в конце XIX в. представления о пространстве и времени³, переменах, прогрессе, значимости права в целом не противоречили европейским и соответствовали конфуцианской морали, «поскольку характерные для нее прагматизм и агностицизм соответствовали доктринам, с которыми японцы знакомились в сочинениях Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Восток и Запад встречались в недавно созданных университетах. «Японский дух и западная наука» (*вакон ёкай*) удачно дополняли друг друга»⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
2. Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: Хранитель, 2006.
4. Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007.
5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
6. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. М.: Олимп-Бизнес, 2003.
7. Мак-Нил У. Восхождение Запада. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1957.
9. Померанц Г.С. Роль масштабов пространства и времени в моделировании исторического процесса // Выход из транса. М.: Юрист, 1995.
10. Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
11. Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены. М.: Логос, 2002.
12. Рулан Н. Историческое введение в право. М.: НОРМА, 2000.
13. Румянцев М.Ф. Теория истории. М.: Аспект-пресс, 2002.
14. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
15. Философская афористика. М.: Остожье, 1996.
16. Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.

¹ Философская афористика. М.: Остожье, 1996. С. 392.

² См.: Кабриак Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. С. 71–72, 237.

³ Японское овладение западными технологиями также знаменует собой новое восприятие времени. Характерно, что одним из основных направлений развития японской промышленности стала часовая отрасль (овладение временем), а другим – автомобилестроительная и судостроительная (овладение пространством).

⁴ Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 106.